

КАК ВИКТОР СУХОДРЕВ «ОКОЛПАЧИВАЛ» ПОЛИТБЮРО

Никита Хрущев и Жаклин Кеннеди
на концерте в Вене. 3 июня 1961 г.

Более трех десятилетий он был «голосом» наших вождей, наблюдал их в неофициальной обстановке. Пришлось ему быть свидетелем и всех мало-мальски заметных скандалов в высших эшелонах власти.

— **В**иктор Михайлович, случалось ли, чтобы причиной скандала стала... женщина? Иными словами, возможно ли у нас что-то подобное «моникагейту»?

— В советское время этого не могло быть по определению, потому что общество у нас было закрытое. И что бы ни происходило «наверху», скандала по этому поводу просто бы не допустили. Взять того же

Брежнева — всем было известно, что он жизнелюб, неравнодушен к женскому полу. Вплоть до того, что у него есть даже «своя» стюардесса, которая всегда с ним летает. Один раз я сам был этому свидетелем.

В 1973 году мы прилетели в Америку. Брежнев был уже достаточно пожилым человеком, но еще не тем дряхлым дедом, которого мы помним по последним годам правле-

— Неужели жены соратников?

— Ну, не соратников, однако достаточно высокопоставленных функционеров. Я этому верю, но пересказывать не хочу. Причем Брежнева совершенно не беспокоило, знают об этом или нет.

— А какую вообще роль женщины играли в советской большой политике? Скажем, те, что сами занимали высокое положение — как Екатерина Алексеевна Фурцева, например.

— Вы назвали Фурцеву... А кого еще можно вспомнить? Пожалуй, только Александру Коллонтай.

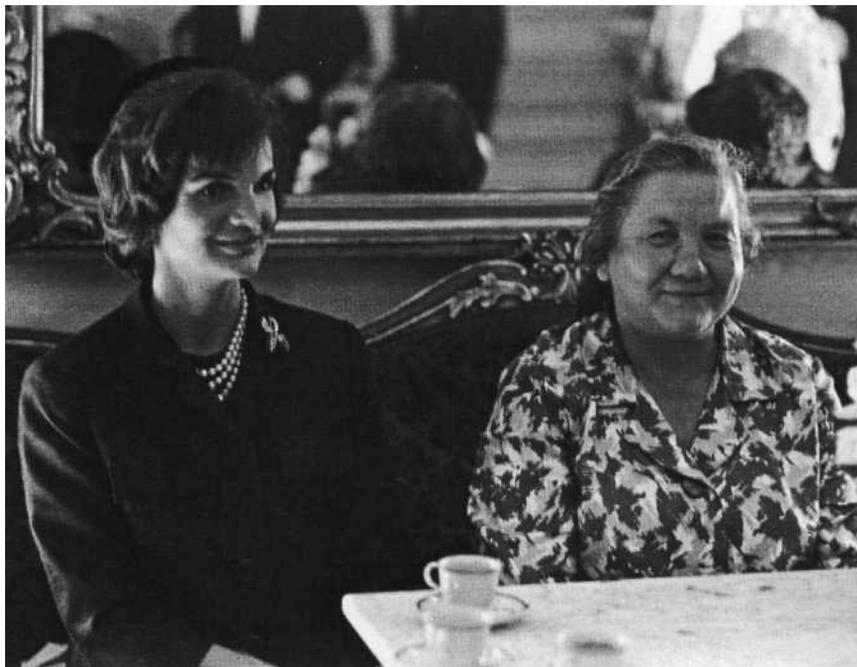
Я хорошо знал Екатерину Алексеевну. Она была очень решительной, совершенно не стеснялась всех этих мужиков, которые ее окружали. При том — хочу подчеркнуть — всегда оставалась женщиной, была от природы привлекательной, красивой, с хорошей фигурой. Одевалась просто, но элегантно, со вкусом. Помню, как в Индии ее одели в сари — ей так шло... Сари вообще очень интересная одежда: казалось бы, все тело закрыто до пят, кроме живота, но выглядит это весьма сексуально. Фурцева в таком наряде совершенно преобразилась.

— Ходили слухи, что своей карьерой она была обязана роману с Хрущевым...

— Я не могу этого подтвердить. Известно, что она сыграла определенную роль в борьбе Хрущева с внутренней оппозици-

«Мы у себя в стране привыкли любоваться лицом человека, а не его задницей!» — сказал Хрущев

ния, он мог еще на равных разговаривать на самые разные темы. Несколько дней нам предстояло провести в Кэмп-Дэвиде, и Леонид Ильич сразу же послал одного из своих адъютантов в Вашингтон (там на военной базе стоял наш самолет), чтобы оттуда к нему привезли эту самую бортпроводницу. Днем Брежнев вел переговоры (в том числе один на один с Никсоном, присутствовал только я), а девушка оставалась в его домике. Дородная, красивая. Однажды она появилась в конце переговоров, когда Никсон с Брежневым уже заканчивали двухчасовую беседу. Ее представили американскому президенту. Помню, Никсон внимательно так посмотрел на нее, а потом сказал, указывая на Леонида Ильича: «Берегите его!» Говорят (сам я этого, правда, не видел), что у генсека были и другие подруги...

Жаклин Кеннеди и Нина Хрущева. Вена, 1961 г.

Инга Суходрев. Нью-Йорк, 1992 г. День независимости Америки

ей, за что и получила награду — попала в обновленный состав Президиума ЦК. Потом, когда Хрущев все-таки вывел ее отсюда (она очень переживала, даже пыталась покончить с собой, вскрывала вены), Фурцева стала министром культуры. Правда, не могу сказать, что она была высокопрофессиональным министром...

— **Но очень решительным — яростно боролась с любыми проявлениями сексуальности в искусстве. Какая-нибудь невинная любовная сцена — и Фурцева спектакль запрещала.**

— Да, тут она стояла как скала. Но знаете, это у всех было, и у Хрущева тоже. Как он возмущался, когда в Голливуде ему показали канкан! Его знаменитую фразу «Мы у себя в стране привыкли любоваться лицом человека, а не его задницей!» потом на все лады повторяли американские газеты.

— **А жены генсеков как-то влияли на советскую политику? Скажем, Нина Петровна Хрущева...**

— Я могу судить только о том, что видел собственными глазами, когда в зарубежных поездках сопровождал Никиту Сергеевича в качестве переводчика. По моим наблюдениям, она никогда не вмешивалась в его дела. Я не знаю, конечно, о чем они разговаривали, когда оставались одни, но в моем присутствии...

Самую точную характеристику Нине Петровне дал кто-то из американских журналистов. В 1959 году, во время первой поездки Хрущева в США, этот репортер сказал, что она производит впечатле-

ние всеобщей бабушки. Пожалуй, так она и выглядела. Нина Петровна была уже в возрасте, так что ни о какой фигуре или изяществе говорить не приходилось, действительно — бабушка. Она и не пыталась выглядеть иначе — не пользовалась косметикой, носила простые платья, в основном темных тонов. Держалась с большим достоинством, интересовалась всем, что ей показывали. (Она, кстати,

знала английский — не так, чтобы вести сложные беседы, но разговор поддерживать могла.) Словом, это была мягкая, тихая, вежливая женщина, которая просто излучала доброжелательность.

— **А как она реагировала, если видели, что мужа начинает заносить? Когда Никита Сергеевич, к примеру, обещал американцам, что мы их «похороним»?**

— Вы знаете, как ни удивительно, резкие выпады, которые в той поездке допускал Никита Сергеевич, нравились американцам. Они могли с ним не соглашаться, но манера Хрущева резать правду-матку вызвала у них симпатию. И что бы супруг ни говорил в политическом запале, Нина Петровна сохраняла спокойствие, в какие-то моменты даже улыбалась. Не припомню, чтобы хоть взглядом она выказала неодобрение. Хрущев, кстати, первым внедрил практику брать с собой в деловые поездки членов семьи. Нина Петровна сопровождала его в обязательном порядке, ну и, как правило, дети: Сережа, Рада, Юлия.

— **Брежнев, по-видимому, такой практикой не прiderживался — ни жена, ни дети никогда с ним за рубеж не ездили.**

— Но ведь тогда он не смог бы вызывать свою бортпроводницу... Это, конечно, шутка, но мне действительно не приходилось видеть, чтобы в поездках участвовала Виктория Брежнева. В 1973 году Леонид Ильич отправился в Соединенные Штаты, и поначалу вроде бы

Виктория Брежнева (в центре) и Патриция Никсон (справа) в Московском цирке. 1972 г.

планировалось, что его будет сопровождать жена. Годом раньше в Москву приезжал Никсон с супругой, и Виктория Петровна, разумеется, встречалась с Патрицией Никсон, у них были какие-то совместные чаепития в мидовском особняке на улице Алексея Толстого. Но в поездку Брежнев почему-то ее не взял.

— Неужели у американцев это не вызвало вопросов?

— Ну, в лоб-то никто, конечно, не спрашивал. По мидовским каналам заранее сообщили, что супруга генсека приехать не сможет. Помню, в 73-м году, беседуя с Никсоном с глазу на глаз, Леонид Ильич что-то говорил о ее здоровье: дескать, не слишком хорошо себя чувствует. Но, прямо скажем, нечто подобное будет говорить любой муж, если в гостях по какой-то причине рядом с ним нет жены.

— В таком случае вряд ли его можно считать хорошим мужем...

— Возможно. Недавно появились мемуары, в которых можно прочесть о женщине, с которой Брежнев прошел всю войну, пытался уйти к ней от Виктории Петровны. Наверное, такое остается

(«сухаго», как она его называла), причем бутылка всегда была уже начата. Я наливал себе виски, а она пила свое вино, заметно пьянела, говорила Бог знает что, потом вызывала машину — и была такова. Кончилось все тем, что я попросил одну из наших секретарш выглядывать в коридор и, если она видит, как ко мне направляется Галина Леонидовна, тут же звонить и сообщать, что меня вызывают на седьмой этаж, к министру. Я вешал трубку, разводил руками: «Гаяя, извини!»

Брежневу, по-видимому, о ее поведении докладывали. Помню один случай на банкете в Кремле... К тому времени (это был конец 70-х) он уже не мог вести застольную беседу и не ел ничего из того, что подавалось на банкетах. Пить тоже не мог — ему наливали в бутылку из-под «Столичной» обыкновенную воду. И вот сидит он понурый, тяготится застольем, а гости, американские промышленники, наоборот, от выпитого очень оживились. Вдруг в разгар банкета Брежнев поворачивается ко мне: «Слушай, Витя, я, пожалуйста, домой пойду». Я оторопел: он же хозяин, и если сейчас уйдет, разразится

То, что Брежнев неравнодушен к женскому полу, знали все. У него даже была «своя» стюардесса

в памяти мужчины. Хотя когда мы летели в Америку и сделали промежуточную посадку в Гандере, где час ждали в виповском зале заправки самолета, Леонид Ильич первым делом позвонил домой, жене. Но вот с собой ее не брал, и все тут!

— И дочь, конечно, тоже?

— Галину? Нет. Он в общем-то знал о ее слабостях. Мы с Галей были хорошо знакомы, она какое-то время работала в МИДе на одном со мной этаже: я — во втором европейском отделе, а через холл располагалось историко-дипломатическое управление, где она и числилась. И, к моему ужасу, повадилась ходить ко мне в кабинет...

— Поговорить?

— И спросить, нет ли чего выпить. У меня всегда в запасе имелась бутылка виски, потому что приезжали коллеги из посольств, мы сидели, обсуждали дела — ну, нормальный такой мужской разговор. И вот открывается дверь, входит Галя... Я говорю: «У меня вот есть виски». Она в ответ: «Ну нет, крепкого я за свою жизнь уже достаточно взяла. Минуточку...» И уходила, а через пять минут возвращалась и доставала из дамской сумки белое сухое вино

скандал. И я, чтобы как-то отвлечь, начал занимать его беседами. Господи, чего я только не плел! «Леонид Ильич, — говорю, — а я ведь в вашем доме живу». (Это дом №26 по Кутузовскому проспекту.) Он оживился: «А не в моем подъезде?» «Нет, — отвечаю, — в ваш подъезд никого не пускают, там одни министры живут и секретари ЦК». Прошло минут десять. Он опять грустно так мне говорит: «А я бы поехал сейчас домой, поужинал». — «Так вот же, Леонид Ильич, мы ужинаем». — «Да не ем я, Витя, эту еду, вот вернусь домой, съем два яичка, две сосиски, выпью чаю и лягу спать». Ну вот, думаю, и поговорили... Уже в полном отчаянии я наконец вспоминаю: «Леонид Ильич, а я ведь работаю в МИДе на одном этаже с вашей дочкой Галей». И вдруг я увидел другого Брежнева: его тусклые глаза стали строгими, стальными, даже злыми. Вдруг — вы понимаете? Он внимательно на меня посмотрел и спросил: «И что — она работает?» — «Да, я ее вижу каждый день». — «А вовремя приходит?» И еще вопросы в том же духе. Я понял, что он либо все о ней знает, либо догадывается, как она может себя вести.

Нэнси Рейган и Раиса Горбачева в Белом доме. 1987 г.

— Легенды ходят о жене Громыко. Андрей Андреевич, как говорят, был очень жестким, неуступчивым министром иностранных дел и при этом полностью находился под пятой у своей супруги.

— Скорее под ее сильным влиянием. Лидия Дмитриевна казалась женщиной простой, высот понимания международных отношений она достичь и не пыталась. Но, скажем, кадровые вопросы МИДа решались при ее непосредственном участии. Она очень ревниво относилась

ко всем женщинам, которые ее окружали, — не в Москве, естественно, а во время зарубежных визитов. Вот тогда протокольному отделу приходилось туго: любую женщину, на которой мог задержаться мужской взгляд, она отстраняла немедленно. Это касалось и переводчиц, и жен старших дипломатов, в какой-то степени даже жен послов. А какая женщина согласится дурно выглядеть, даже если знает о придирчивости жены министра? Ни одна. В этом и состояла неразрешимость проблемы.

— Как же все-таки в МИДе выжили из столь специфической ситуации?

— В переводчицы подыскивали таких дам — не дурнушек, конечно, но не слишком заметных, и сразу давали им понять, что одежда должна быть предельно строгой, никаких ярких пятен. Намекали женам дипломатов, чтобы держались поскромнее. Иначе — беда. Помню, приехали мы с Громыко из Нью-Йорка, после очередной сессии ООН, и в Москве меня встречала жена. Обычно чета Громыко сразу садилась в машину и уезжала, а багажом занимались другие. А тут вижу: Лидия Дмитриевна к нам идет. «Познакомьтесь, — говорю, — Лидия Дмитриевна, это моя жена Инга». Вы бы видели ее взгляд — с головы до пят! Потом последовала фраза: «Да, ха-рошая жена...» Причем интонация такая, что трудно понять, это хорошо или плохо.

— А что, Громыко легко поддавался обаянию красивых женщин?

— Вот уж не знаю. Помню, в Нью-Йорке в нашем представительстве работала одна стенографистка — очень яркая, с полными красными губами, и ноги заметные, скажем так. К Андрею Андреевичу она и близко не подходила, но Лидия Дмитриевна где-то ее увидела и потребовала, чтобы этой женщины больше не было. Слово ее считалось законом. А насчет влияния на мужа — меня всегда поражало, как она умела настроить его против кого-нибудь, довести буквально до белого каления.

Лидия Дмитриевна усердно занималась шопингом, всю семью одевала — мужа, сына, дочь, внуков. Андрей Андреевич не доверял ей покупать только мужские рубашки, галстуки и шляпы, каждый раз просил меня. Но дело в том, что эти вещи приобретались не только для самого Громыко. Он привозил их в подарок Брежневу, Подгорному, Андропову и Черненко.

— Так вот почему все наши вожди ходили в одинаковых шляпах!

— Ну да. А в то время в Америке шляпы уже никто не носил. По сути дела в Нью-Йорке остался только один шляпный магазин фирмы «Стетсон», в центре Манхэттена. Там продавались любые головные уборы — и кепки, и береты, и канотье. Меня в этом магазине считали постоянным клиентом: я же приезжал каждый год и покупал по три-четыре шляпы.

— А в магазине знали, кому они предназначаются?

— Думаю, догадывались. По крайней мере мне позволяли брать шляпы не заплатив ни копейки. Я привозил их Андрею Андреевичу на одобрение и только после этого расплачивался. Потом на ко-

жаной подкладке золотым тиснением вышивали буквы: «ЛИ.Б.» или «Ю.ВА», шляпы упаковывали в красивые коробки...

Короче говоря, каждый год они дорожали. Громыко все цены помнил, память у него была феноменальная: «Такою же шляпу вы покупали в прошлом году за сорок долларов (это я условно говорю), а теперь вот за пятьдесят». Я объясняю: «Андрей Андреевич, даже из наших газет можно узнать: там же дикая инфляция. У них же обнищание народа. Вот и иллюстрация!»

Примерно так же я покупал галстуки и рубашки (для всех — только белые, а Громыко, глядя на меня — я тогда уже белые не носил, просил выбрать и ему «что-нибудь в полоску»). Он жил в здании нашего постпредства в Нью-Йорке на тринадцатом этаже, в пентхаусе. Я у него в кабинете на столе раскладывал покупки, словно

— Как и сам Андропов. Он ведь пришел к власти уже тяжелобольным человеком. За рубежом не бывал, на беседах с ним я присутствовал всего несколько раз, и всегда он приезжал из больницы — из-под рукава рубашки виднелись бинты. То же самое можно сказать и про Черненко.

— **Потом наступила эпоха Горбачева...**

— Раиса Максимовна поначалу произвела очень хорошее впечатление: всюду с мужем, молодая, подтянутая, элегантно одетая. Для Запада она была фигурой интересной, но, к сожалению, ее активность плохо принималась нашим народом. Впрочем, если судить по теле-репортажам, иногда она действительно перебарщивала, перебивала мужа: «Вот, Михаил Сергеевич, посмотри...»

— **По-моему, Раиса Максимовна первая (и пока единственная) из жен лиде-**

От слов жены Громыко закипает: «Вы в какие магазины ездите, небось там евреи вас обманывают?»

коммивояжер, Громыко докладывали, что все готово, и перед ужином мы поднимались к нему, чтобы он все посмотрел. Я мечтал только об одном: чтобы при этом не было Лидии Дмитриевны. Но все время получалось так, что она уже успевала освободиться от своих закупочных дел и подъехать. Слава Богу, насчет цен на шляпы она говорить не могла, потому что в шляпных магазинах не бывала, а вот рубашки и галстуки... Лидия Дмитриевна пожимала плечами: «Это же так дорого...» Хотя я ведь не самые дорогие покупал. Но она-то ездила в другие магазины, в Даунтаун! И вот она все это тихим своим голосом с присущими только ей интонациями один раз скажет, другой, и Громыко уже начинает закипать: «А вы вообще в какие магазины ездите, небось какие-нибудь евреи вас обманывают?!» И чем дальше, тем больше. Я и сам начинаю немножко нервничать: «Я вам могу купить рубашку за 10 долларов, только стыдно будет ее надеть!» Словом, умела Лидия Дмитриевна мужа «завести», но он, к счастью, был отходчив.

— **Андропов, которому вы выбирали шляпы, тоже ведь был женат?**

— Я ни разу его жену не видел. Мне только показали как-то в протокольном отделе ее фотографию, которая была сделана на одном из традиционных мартовских чаепитий.

— **То есть она нигде никогда не показывалась?**

ров нашей страны всегда шла не на пару шагов позади мужа, а впереди. Наверное, протокольной службе пришлось перестраиваться.

— Протокол перестраивался очень сильно. Раиса Максимовна отказалась от услуг женщин-переводчиц, ей хотелось, чтобы и среди протокольников были только мужчины. Она вообще не терпела рядом никаких женщин, даже жен послов. Едет Михаил Сергеевич за рубеж, по протоколу посол, естественно, обязан быть при главе своего государства, а жена его — хозяйка, должна все показывать, рассказывать. И вот тут всячески давалось понять, что этого не надо! Самое лучшее — чтобы жена посла не ездила с Раисой Максимовной даже в музеи или школы, то есть совсем нигде не показывалась.

— **А были строптивые жены, которые отказывались понимать намеки?**

— Конечно. Но тогда уже через мужей как-то доводили до них, что не надо высовываться. Однако не только протокольный отдел вставал на уши перед каждым зарубежным визитом Горбачева, но и территориальный. Я, скажем, это знаю по поездке в Америку в 1988 году. Тогда наш американский отдел буквально кипел. Справку писать — для профессионала дело привычное. А вот для Раисы Максимовны писать... Такого нашей службе делать еще не приходилось. Какие-то проекты речей, варианты воз-

Мы с Ингой вместе уже 32 года, поженились, можно сказать, уже взрослыми людьми. У нас много общего

можных ответов на возможные вопросы, подробнейшие исторические справки об объектах посещения. Замучились просто, все справочники перерывали. А она все это учила чуть ли не наизусть!

— **В вашей книге есть смешной эпизод, как Раиса Максимовна поссорилась с Нэнси Рейган во время этого визита.**

— Да, они друг друга просто возненавидели. Нэнси показывает Раисе Максимовне Белый дом, в котором гостя раньше не бывала. «Перед вами, — говорит, — Голубая гостиная». И собирается дальше рассказывать, какие исторические события связаны с этой гостиной. А Горбачева

ее перебивает: «Да-да, я знаю. Там было то-то и тогда-то» и начинает пересказывать такие вещи, о которых сама Нэнси, быть может, не знает. Справку-то ей составили подробную, память у нее отличная. Теперь представьте себе: вы хозяйка, пытаетесь показать мне свой дом, а я вам этого не даю, говорю, что все уже знаю, причем менгорским тоном. Естественно, Нэнси это привело в бешенство.

Еще был забавный случай, когда Рейганы приехали в Москву. Нэнси попросила показать ей «Третьяковку», причем провести по тем залам, где выставлены иконы. На сей раз Раиса Максимовна

выступала в роли хозяйки и хорошо-ко подготовилась — наши искусствоведы составили для нее подробную справку об истории иконописи. Понятно, написанную с позиций воинствующего атеизма.

В «Третьяковку» она приехала раньше Нэнси (кстати, Раиса Максимовна обычно опаздывала, а из-за нее и Горбачев) и решила пока пообщаться с журналистами. Начала свою лекцию про иконы: мол, все это жизнь народа, образы народные и так далее. К тому моменту, как подъехала Нэнси, Раиса Максимовна уже так разошлась, что не могла остановиться, чтобы оказать внимание госте. Только через какое-то время она повернулась к госпоже Рейган и поприветствовала кивком головы. Наконец она закончила свою лекцию — мол, я все сказала, теперь можно идти смотреть... Нэнси отреагировала моментально: ну нет, теперь, когда вы все сказали, дайте и мне немножко поговорить. И вот такие стычки сопровождали почти все их встречи.

— **Раисы Максимовны не стало, и все это ушло в прошлое. А в историю Горбачевы уже вошли как идеальная пара.**

— Пара действительно была идеальная. Помню первое телевыступление Горбачева для американской аудитории перед его поездкой. Брать у него интервью в Москву приезжал известный телеведущий Том Брокау, я же синхронно переводил, сидя в будке в соседней комнате. Сначала были очень серьезные вопросы — внешняя политика, внутренняя, и вдруг Брокау спрашивает: «Вот кончается рабочий день, и вы, господин Горбачев, вечером возвращаетесь домой. Наверное, садитесь ужинать, как любой мужчина, вместе с женой. О чем вы с ней разговариваете?» И я в наушниках слышу паузу, а потом сдавленный голос: «Обо всем».

— **Он ожидал какого-то подвоха?**

— Может быть... Инстинктивно он понимал, что государственный деятель не должен обо всем говорить даже с женой. Отсюда пауза и приглушенный голос.

— **Виктор Михайлович, а вы как бы ответили на такой вопрос?**

— ЕСЛИ коротко, то я повторил бы ответ Горбачева. Мы с Ингой вместе уже 32 года, поженились, можно сказать, уже взрослыми людьми. Бывало, после многочасовых переговоров возвращаюсь домой далеко за полночь, голова гудит так, что точно знаю: не засну. И тогда мы с Ингой брали собаку, выходили на набережную Москвы-реки, гуляли, я выговаривался и после этого крепко засыпал...

Беседовала Татьяна Филиппова